

элементы, определить историко-топографическую ценность русских описаний Палестины и пр. Я пытался выяснить общие черты «хождений» как литературного жанра и, хотя ограниченно, наметить движение в их содержании в зависимости от времени, кончая первой половиной XVIII в., на которую падают последние отзвуки древнерусских паломнических произведений.

Есть только одна попытка дать их общий обзор. Это статьи почти столетней давности, напечатанные в «Черниговских епархиальных известиях» в 1867 г. и в том же органе в 1869 г., принадлежащие преподавателю Черниговской духовной семинарии Никанору Васильевичу Докучаеву.⁷⁰ Написанные в плане церковных интересов, соответствующим стилем, эти статьи и для своего времени не могли иметь историко-литературного значения. Но Докучаев верно осветил паломнические сочинения как «особый вид народных словесных произведений древней Руси».⁷¹ Их следует называть народными потому, что «хождения» отражают искания и настроения части древнерусского народа, людей, быть может, наиболее самобытных, чутких, недовольных окружающим, чего-то ищущих.

Глеб Успенский в очерках «Невидимки» рисует толпу, окружавшую слепого певца. Среди нее «иной раз выделялись какие-то странные личности бродяжного, бесприютного типа, доказывая постороннему наблюдателю, как много в народе этих странствующих оригиналов и как мало мы знаем наш народ, понимая его только как земледельца». Успенский называет этих людей «беспокойными искателями чего-то».⁷²

Правда, среди паломников были такие, как купец Гагара. Характеристику их Успенский дает в другом очерке, в словах афонского монаха Амвросия, о котором замечает, что «никогда (ему, автору) не приходилось встречать более цельного народного типа и более народного мирозерцания». Амвросий говорит о паломниках типа Гагары: «...нагрешит, животное, дома, в избе, на миру, нагребит, назлодействует, накровянит свои лапы, и засто-о-нет! — „Ох, мол, тяжко!“ ... в Иерусалим идут, а здесь им греческие плуты все грехи откупают».⁷³

Но не эти кулаки-мироеды представляли характерную часть русского паломничества на Восток. «Беспокойные искатели чего-то», которых Успенский считал наравне с крестьянином-земледельцем явлением, одинаково присущим русской народной жизни, — вот, что составлял основную массу русских паломников. Это о них Василий Позняков писал: «...видехом некоторые с нами идущих ... и паки видехом их к богу отшедших, зане многи скорби на пути бывают». Они ходили, не обладая средствами, а Гагары не погибали, потому что ходили со слугами и всегда могли откупиться от посягательств на их добро и на них самих.

Не одно религиозное чувство толкало «беспокойных искателей чего-то» идти на Восток, но не менее того желание вырваться из давящей общественной атмосферы московского средневековья, насыщенной постоянными

⁷⁰ Древнее русское паломничество ко святым местам Востока вообще и путешествия русских расколников в те же места в частности. — Черниговские епархиальные известия, 1867, Прибавления, №№ 1—4, 7; Древнерусское официальное паломничество ко святым местам Востока в связи с отношениями русской церкви к восточной и взглядами русской церкви на Восток. — Черниговские епархиальные известия, 1869, №№ 13, 14, 16 (Прибавление). Обе статьи не окончены.

⁷¹ Черниговские епархиальные известия, 1867, вып. 2, Прибавления, стр. 73.

⁷² Глеб Успенский. Слепой певец. — Полн. собр. соч., изд. 6, т. 4. СПб., 1908, стр. 674.

⁷³ Глеб Успенский. Очерки переходного времени. В Царь-Граде. — Полн. собр. соч., изд. 6, т. 2. СПб., 1908, стр. 508—509.